

ПОРЯДОК ПАДЕЖЕЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Г. Балаж

Единство научного языка в рамках отдельных дисциплин является желательным критерием исследований. Тем не менее, оно не всегда достигается учеными, а остается лишь более или менее осуществленной целью. К сожалению, отсутствие единства терминов и формул -- явление, нередко встречаемое в языкознании. Свобода в распределении единичных фактов -- в целях подчеркивания тех или иных закономерностей -- представляет собой неоспоримое право каждого исследователя. При использовании же результатов научной работы в обучении иногда возникают известные трудности. В качестве характерного примера отсутствия единодушия можно привести порядок перечисления падежей в грамматиках славянских языков. /Естественно, имеются в виду только те языки, в которых есть склонение./

Как известно, в большинстве т.н. "традиционных" учебников и пособий употребляется порядок падежей, взятый из грамматик других индоевропейских языков¹: N -- G -- D -- A -- /V/ -- I -- L. Постановка вокатива в скобках объясняется его особым положением: "Звательная форма из числа падежей исключается, поскольку она не выражает отношения данного имени к другому слову в том же словосочетании"². Принимая во внимание, что внутренняя структура парадигм не одинакова во всех языках, вместо автоматического заимствования порядок падежей в славянских языках должен определяться на основании морфологической, синтаксической и семантической специфики именно этих языков.

Морфологическую иерархию славянских падежей удобнее всего определить исходя из выделения случаев совпадения их форм, т.е. падежных синкретизмов. Если принять номинатив за исходный падеж -- как это и делается в любой грамматике любого

славянского языка, -- то легко убедиться в том, что второе место должен занимать не гентив /который в большинстве парадигм имеет окончание, отличающееся от номинатива/, а аккузатив. Нет такого славянского языка, в котором отсутствовало бы явление формального совпадения именительного и винительного падежей. Данный синкретизм очень характерен для именного склонения как целого, причем как в единственном, так и во множественном /в словенском и лужицких языках и в двойственном/ числе.

В парадигмах одушевленных существительных, где формальное различие номинатива и аккузатива -- преимущественно в мужском роде -- в силу синтаксических причин стало нужным, наблюдается синкретизм винительного и родительного падежа. Такое явление в единственном числе имеется во всех славянских языках, во множественном числе отсутствует лишь в чешском, словенском и сербскохорватском, а в лужицких языках оно проявляется и в двойственном числе. В системе местоимений /и местоименных прилагательных/ формальное совпадение винительного и родительного падежей даже не сводится к одушевленным именам мужского рода, а встречается и в других парадигмах. На основании этих фактов первые три падежа следуют один за другим в таком порядке: N -- A -- G.

Теперь встанет вопрос о том, который из остальных падежей тяготеет к генитиву чаще других. Творительный падеж и звательную форму практически сразу можно исключить из дальнейшего анализа, поэтому остается два "кандидата": D и L. Хотя /в единственном числе/ есть случаи совпадения окончаний всех трех категорий /G, D и L/, они в определении иерархии данных падежей значения не имеют. Таким образом, в дальнейшем мы ограничимся выявлением синкретизма типов G -- D и G -- L.

Примеры тождественного окончания G и D, отличного от суффикса L, можно найти лишь в единственном числе в сербско-

хорватском /stvāri/³, чешском /dubu/ и русском /снегу; пы-
ли/⁴. В связи с данным синкретизмом и отсутствием омонимии
G -- L в сербскохорватском, для этого языка И. Пете предлага-
ет следующий порядок падежей: N -- A -- G -- D -- L -- I
-- V⁵. В области прилагательных и местоимений, как и в двой-
ственном и множественном числах существительных, формальное
совпадение родительного и дательного падежей /при отграниче-
нии локатива/ полностью отсутствует во всех славянских язы-
ках.

По-другому обстоит дело с омонимией G -- L. Из совре-
менных славянских языков -- за единственным исключением серб-
скохорватского -- она существует во всех. В единственном чис-
ле ее можно обнаружить лишь в польской парадигме существи-
тельных типа dom /ср. G -- L domu, boku, godu и т.д./, а во
множественном числе в парадигмах прилагательных и местоимений
русского /синих, всех/, украинского /синіх, всіх/, белорус-
ского /сініх, усіх/, польского /dobrych, tych/, чешского
/dobrých, těch/, словацкого /dobrých, tych/, в верхне- и ниж-
нелужицкого /dobrych, tych/ и словенского /dóbrih, téh/ язы-
ков. В последнем данные формы -- и их синкретизм -- употреб-
ляются и в двойственном числе. Поскольку синкретизм типа
G -- L в отличие от G -- D является обычным явлением в ряде
парадигм, локатив следует признать четвертым падежом славян-
ского склонения.

В определении порядка остальных падежей особенных труд-
ностей не возникает. Исходя из того, что примеры совпадения
окончаний локатива и датива, даже локатива, датива и генити-
ва, встречаются во всех современных славянских языках, в то
время как синкретизм типа L -- I -- которого у существитель-
ных вообще нет⁶ -- является весьма редким явлением, можно
установить следующий порядок славянских падежей: N -- A --
G -- L -- D -- I. Звательная форма /вокатив/ -- если она не



элиминируется вообще -- может занимать только последнее место, поскольку а/ ее нет во всех славянских языках, б/ она не выделяется в ряде именных парадигм, в/ синтаксических функций она не имеет. Данная иерархия, полученная на основании анализа падежных синкретизмов, совпадает с "интуитивным" порядком, применяемым А. Вайаном в его сопоставительной грамматике славянских языков⁷.

На первый взгляд может показаться, что установленный порядок падежей действителен только в синхронном плане. Однако, рассмотрение случаев синкретизма в парадигмах старославянского /древнеболгарского/ языка убеждает в правильности иерархии N -- A -- G -- L -- D -- I /-- V/ и с точки зрения диахронии. Ср. N -- Asg. пѣть, ность, нма, сѣнѣ, рабѣ, дѣто, конь, полѣ; тѣ, то, мога и т.д.; N -- Apl. кости, нмена, матери, црѣкви, женѣ, земли, лѣта, полѣ; G -- Asg. нисоуѣ; тебѣ; G -- Lsg. камене, врѣмене; G -- Lpl. тѣхѣ, ихѣ, монѣхѣ, насѣ; L -- Dsg. матери, женѣ, земли; тои, моги, мѣнѣ и т.д. Особенно показательны в этом отношении падежные омонимии в двойственном числе, последовательно реализуемые во всех парадигмах. Например:

N -- A /-- V/	пѣти	сѣнѣ	женѣ	тѣ	ва
G -- L	пѣтью	сѣновоу	женоу	того	ваго
D -- I	пѣтьма	сѣнѣма	женѣма	тѣма	вама

Вышеуказанные омонимии, как известно, возникли не в древнеболгарский период, а значительно раньше, причем являются заимствованиями из общеславянского языка. По всей вероятности, они существовали уже в грамматической системе индоевропейского праязыка. Об этом свидетельствуют, между прочим, данные ведийского языка: "Трехчленная парадигма падежных противопоставлений, в которой сняты противопоставления N. -- A., I. -- D. -- Abl. и G. -- L., представлена в двойственном числе у всех существительных, прилагательных, местоимений, а

также у числительного dvaú 'два'..."⁸. Нельзя исключить ту возможность, что эти, происшедшие в глубокой древности совпадения падежных форм в высокой степени определили направление последующих изменений в системе именных парадигм.

Отметим, что У.С. Хэмилтон, тщательно разбирая глубинные и поверхностные изменения в синкретических типах на материале общеславянского, чешского, польского, русского и сербскохорватского языков, пользуется также порядком падежей N -- A -- G -- L -- D -- I⁹. Он приходит к выводу, что проанализированные им славянские языки свидетельствуют о значительных изменениях в конфигурациях и субстанции своих структурных компонентов, но сохраняют типы и число компонентов, унаследованные ими от общеславянского языка¹⁰.

Валидность закономерностей в механизме синкретизмов как в синхронном, так и в диахронном плане объясняется существованием семантических инвариантов падежной системы, впервые вскрытых и описанных Р. Якобсоном в его основополагающей работе по славянской морфологии¹¹. При разборе, с одной стороны, синкретических типов русского языка, т.е. системы означающих, и, с другой стороны, инвариантных значений отдельных падежей, т.е. системы означаемых, Якобсон обратил внимание на действие семиотических закономерностей внутри грамматической структуры имен. Вопросы об иерархии падежей он только коснулся: "Структурный подход к падежной системе вскрывает ее строго закономерный иерархический характер с беспризнаковым И. /= именительным/ как исходным падежом..."¹². Однако, описывая отдельные падежи на основе их дискретных признаков, он обнаружил семантические противопоставления внутри падежной системы. Как известно, N является ненаправленным, необъемным и непериферийным падежом. Последние два признака его сближают с A; оба они -- как прямые падежи -- противопоставляются всем остальным, косвенным падежам. К N и A примыкает G как третий непериферийный падеж, в отличие от L, D и I, т.е. периферий-

ных падежей. G и L объединяются признаком объемности, и одновременно оппонируют N, A, D и I. Наконец, признак периферийности сближает D и I с L¹³.

Таким образом, порядок падежей, установленный на основе их синкретизмов, находит и семантическое подтверждение. Иерархический ряд N -- A -- G -- L -- D -- I в славянских языках отражает внутреннюю структуру как означающих, так и означаемых¹⁴.

Примечания

1. N -- именительный, G -- родительный, D -- дательный, A -- винительный, I -- творительный, L -- местный п., V -- звательная форма.
Ср. И. Пете. "Порядок падежей в парадигме сербскохорватских имен. In: Hungaro-Slavica, 1983, с. 247.
2. П.С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961, с. 12.
3. Локатив в этой парадигме имеет различную интонацию, ср. stvári.
4. К обоим парадигмам принадлежит ограниченный круг существительных, а первый тип имеет альтернативное, гораздо более распространенное окончание -а, ср. снега. Следует отметить, что во втором типе местный падеж отличается от дательного и родительного лишь местом ударения.
5. И. Пете. Ук. соч., с. 247--248.
6. "В творителен и местен падеж стоят обикновено обстоятелствата и обстоятелствените допълнения в широк смисъл на думата... Обстоятелствата принадлежат на една и съща синтактична категория и имат еднакво място /положение/ в изречението, т.е. те са т а в т о к а т е г о р и а л н и и х о м о т о п и ч н и. Следовательно творителен и /безпредложен/ местен падеж /т.е. обстоятелствата/ не могат да съвпадат..." В.И. Георгиев. Основни проблеми на славянската диахронна морфология. София, 1969, с. 27.

7. "Ilya sept cas en balto-slave: nominatif, accusatif, génitif, locatif, datif, instrumental, vocatif. Cet ordre des cas s'impose en slave /mais non en baltique/, du fait qu'on a fréquemment à parler de nominatif-accusatif, de génitif-accusatif, de génitif-locatif, de locatif-datif, de datif-instrumental, le vocatif étant à part." A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. Tome II, Première Partie. Lyon-Paris, 1958, p. 20--21. Ср. еще: Р. Нахтигал. Славянские языки. М., 1963 /1952/, с. 92--104.
8. Т.Н. Елизаренкова. Грамматика ведийского языка. М., 1982, с. 197.
9. W.S. Hamilton, Jr. "Deep and Surface Changes in Four Slavic Noun Systems. In: Linguistics. N^o 127, 1974, pp. 27--73.
10. Там же, с. 64.
11. Р. Якобсон. "Морфологические наблюдения над славянским склонением". In: 'Selected Writings II. The Hague, "Mouton", 1958/1971, pp. 154--183.
12. Там же, с. 158--159.
13. Там же, с. 158 и сл.
14. В результате тщательного и всестороннего анализа данных иерархический порядок падежей рекомендуется и К. Чвани для современного русского языка. Ср.: C.V. Chvany. "Jakobson's Fourth and Fifth Dimensions: On Reconciling the Cube Model of Case Meanings with the Two-Dimensional Matrices for Case Forms. In: Case in Slavic /ed. by R.D. Brecht and J.S. Levine/. Columbus, "Slavica", 1986, pp. 107--129.